

ИЗВѢСТІЯ

по

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемая при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Опредѣленія Св. Синода.

Указомъ Св. Синода, отъ 15-го октября 1903 года за № 9478, при церкви во имя Воскресенія Христова, что на Выборгской сторонѣ г. С.-Петербурга, по Безбородкинскому проспекту, въ зданіи Общества вспоможенія приказчикамъ и сидѣльцамъ, открыты вакансіи священника и псаломщика съ тѣмъ, чтобы содержаніе ихъ обращалось исключительно на изысканныя мѣстныя средства.

Указомъ Св. Синода, отъ 13-го октября 1903 года за № 9420, заштатному протоіерею эстонскаго прихода Знаменской церкви въ г. Нарвѣ, Петру Преображенскому назначена пенсія по триста рублей въ годъ, съ производствомъ оной съ 23 іюня 1903 года, изъ Главнаго Казначейства.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

За отлично-усердную службу награжденъ набедренниковъ священникъ церкви Св. Петра Митрополита, на Ульянкѣ, С.-Петербургскаго уѣзда, Александръ **Охонскій**, 20 октября.

Опредѣленъ: на священническую вакансію къ церкви Городской больницы для душевно-больныхъ на Новознаменской дачѣ діаконовъ Царскосельскаго Екатерининскаго собора Василій **Травинъ**, согласно прошенію, 23 октября; на псаломщическія вакансіи къ церкви Кадетскаго, Императора Александра II, Корпуса, въ г. С.-Петербургѣ, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи, Георгій **Любомировъ**, согласно прошенію, 14 октября; къ Рудненской церкви, Гдовскаго уѣзда, учитель Дубецкой школы-грамоты, того-же уѣзда, Константинъ **Румянцевъ**, согласно прошенію, 16 октября; къ Занской Николаевской церкви, Гдовскаго уѣзда, псаломщикъ Вяйке-Ляхтрской Рождество-Богородицкой церкви, Гапсальскаго уѣзда, Рижской епархіи, Августъ **Пикнать**, согласно прошенію, 27 октября; и. д. псаломщика къ Городенской Димитріевской церкви, Лужскаго уѣзда, бывший воспитанникъ С.-Петербургскаго Александро-Невскаго духовнаго училища, Глѣбъ **Михайловскій**, согласно прошенію, 27 октября.

Назначенъ на вакансію священника и законоучителя Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, въ С.-Петербургѣ, священникъ С.-Петербургской Иоанно-Предтеченской церкви „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“ Иоаннъ **Альбовъ** — 16 октября.

Перемѣщены: на священническую вакансію къ церкви Обуховской мужской больницы въ С.-Петербургѣ, священникъ церкви С.-Петербургской Городской Калининской больницы Николай **Близнецкій**, согласно прошенію,

24 октября; псаломщики: С.-Петербургскаго Владимірскаго собора Николай **Вознесенскій** и Чирковицкой церкви, Ямбургскаго уѣзда, Иванъ **Вишняковъ** — одинъ на мѣсто другого, согласно прошенію, 15 октября.

Допущенъ къ преподаванію Закона Божія въ Рельскомъ земскомъ училищѣ, вмѣсто священника Рельской церкви, Гдовскаго уѣзда, Теодоръ **Дроздинъ**, за слабостію здоровья отказавшагося отъ означенной должности, діаконъ той же церкви Теодоръ **Словцовъ**, подъ ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ настоятеля церкви, священника Александра Миролубова, — 14 октября.

Утверждены: въ должности псаломщика и назначенъ къ посвященію въ стихарь исправляющій оную при церкви Гатчинскаго Сиротскаго Института Императора Николая I, Алексѣй **Руерь**, — 14 октября; въ должности старостъ церкви, что при училищѣ Св. Елены, на Петербургской сторонѣ, С.-Петербургскій 2-й гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Ивановичъ **Крюковъ**, на 1-е трехлѣтіе, 13 октября; къ церкви С.-Петербургскаго Вдовьяго дома, во имя Св. Великомученицы Екатерины, временный С.-Петербургскій купецъ изъ крестьянъ, Иларіонъ **Дегтяревъ**, на 1-е трехлѣтіе, 15 октября; къ церкви малолѣтняго отдѣленія С.-Петербургскаго Сиротскаго Института Императора Николая I-го С.-Петербургскій 2-й гильдіи купецъ Тимофей **Игнатьевъ**, на 2-е трехлѣтіе, 15 октября; къ церкви С.-Петербургскаго женскаго училища Принцессы Терезіи Ольденбургской потомственный почетный гражданинъ Яковъ Ивановичъ **Ивановъ**, на 3-е трехлѣтіе, 20 октября; къ церкви С.-Петербургской гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества С.-Петербургскій купецъ Василій Максимовичъ **Максимовъ**, на 1-е трехлѣтіе, 20 октября.

Уволены: за штатъ и освобожденъ отъ законоучительства, согласно прошенію, настоятель Александро-Невской церкви Михайловскаго артиллерійскаго училища, въ С.-Петербургѣ, священникъ Григорій **Петровъ**, — 13-го октября;

псаломщикъ Городенской церкви, Лужскаго уѣзда, Константинъ **Шубинъ**, согласно прошенію, 27 октября; въ отпускъ: священникъ С.-Петербургской Волковско-кладбищенской церкви Николай **Оранскій**, съ 14 октября впредь на восемь дней; діаконъ Щепецкой церкви, Гдовскаго уѣзда, Александръ **Аннинскій**, съ 27 октября впредь на одинъ мѣсяць; отъ должности старосты церкви, что при училищѣ Св. Елены, на Петербургской сторонѣ, С.-Петербургскій 2-й гильдіи купецъ Иванъ Феодоровичъ **Самойловъ**, согласно его прошенію, 13 октября.

За смертію исключается изъ списковъ діаконъ Рудненской церкви, Гдовскаго уѣзда, Веніаминъ **Лѣсницкій**, съ 29 сентября.

Духовная Консисторія симъ объявляетъ духовенству столичныхъ соборовъ и приходскихъ церквей, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено: церковный сборъ пожертвованій въ пользу Церковно-пѣвческаго благотворительнаго общества, назначенный на праздникъ Вознесенія Господня будущаго 1904 года, произвести въ воскресный день недѣли о мытарѣ и фарисеѣ того же года. Октября „18“ дня 1903 года.

Духовная Консисторія симъ объявляетъ духовенству столичныхъ соборовъ и приходскихъ церквей, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено Обществу попеченія о семьяхъ ссыльно-каторжныхъ произвести въ текущемъ году сборъ пожертвованій въ пользу „Дома Трудолюбія“ на островѣ Сахалинѣ въ упомянутыхъ церквахъ въ воскресенье, 7 декабря, за литургіями и накануне, 6 того же декабря, за всеношными, октября „18“ дня 1903 г.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Краткое историко-географическое описаніе мѣстности, занимаемой г. С.-Петербургомъ *).

Нынѣшней весной нашъ Петербургъ торжественно отпраздновалъ свое двухсотлѣтіе. И русское общество, для судебъ котораго основаніе Петербурга въ связи съ реформами Великаго Преобразователя имѣло несомнѣнно громадное значеніе, не можетъ по этому случаю не вспомнить какъ время и дѣла Петра, такъ особенно исторію возникновенія нашей сѣверной столицы.

Можно смѣло утверждать, что еслибы за нашимъ Петромъ I не было ничего, кромѣ основаннаго имъ Петербурга, то и тогда онъ имѣлъ право быть названъ Великимъ. Такъ велико это дѣло и по намѣренію, и по исполненію, и по значенію для всей Россіи.

Петръ Великій отнялъ у шведовъ берега Невы и юго-восточное побережье Финскаго залива, придвинулъ Россію къ Балтійскому морю. Но это дѣло не было захватомъ чужого, не было и искусственнымъ распространеніемъ границъ. Нѣтъ, это было справедливое возвращеніе утраченнаго, это было дѣло, вѣками завѣщанное русскому народу.

Насколько простираются въ глубь временъ свидѣтельства и преданія народныя, онѣ показываютъ, что

*) Настоящая статья въ извлеченіи была прочитана въ качествѣ актовой рѣчи въ Исидоровскомъ Епарх. Училищѣ 12 окт. 1903 года.

вся мѣстность, отнятая Петромъ у шведовъ, всегда была собственностью русскихъ славянъ, это была старая вотчина русская, гдѣ протекли столѣтія исторической работы и борьбы^{*}). Отдѣльныя поселенія славянъ по рѣкамъ и озерамъ, прилегающимъ съ юга и юго-востока къ Финскому заливу, извѣстны были еще въ X вѣкѣ. Изъ лѣтописи извѣстно, что княгиня Ольга установила дани и оброки по р. Лугѣ; по преданію ей же принадлежалъ городъ Гдовъ. Земли, въ бассейнѣ Финскаго залива, безспорно принадлежавшія, въ эпоху призванія Рюрика, славянамъ, назывались, между Новгородомъ и Финскимъ заливомъ — „Водь“ и „Ижора“, а на сѣверѣ отъ Невы, „Корела“. Этотъ край весьма рано подпалъ подъ вліяніе Новгорода и вошелъ въ составъ его владѣній, образовавъ такъ называемую „Вотскую пятину“. Въ этой вотской пятинѣ состояли слѣдующіе пригороды: Ладога, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), Копорье, Ямъ, Луга и Корелынъ^{**}). Въ обыскныхъ платежныхъ и оброчныхъ книгахъ XVI и XVII вѣковъ находимъ, что вся мѣстность, лежащая узкой полосой по обѣимъ сторонамъ Невы, вплоть до Финскаго залива, составляла погостъ „Спасскій“ и „Городенскій“ и относилась къ округѣ гор. Орѣшка. Изъ книгъ Новгородскихъ видно также, что на островахъ, расположенныхъ въ устьѣ Невы и носившихъ наименованіе „Оюмины“ (съ финскаго „дубовые“ = tamminen) состояло 525 десятинъ пахотной земли волости Государевой^{***}). Большая часть оброка съ земли по р. Невѣ поступала въ пользу разныхъ новгородскихъ монастырей, особенно Валаамскаго и Коневскаго. Въ незначительномъ количествѣ были также

^{*}) „Историч. Вѣстн.“ 1903 г. Май, стр. 579.

^{**}) Россія. Полное географич. описаніе нашего отечества, т. III, стр. 80, 86.

^{***}) Пыляевъ. — Старый Петербургъ, стр. 4.

земли и своеземцевъ *). Вотъ прозвище русскихъ людей, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Петербурга: Варгуцины, Гаврилкины, Звягины, Мишкины, Омельяновы **). Въ переписной книгѣ 1500 года значатся названія, сохранившіяся неизмѣнными и при позднѣйшихъ владѣльцахъ этихъ земель, шведахъ, названія деревень: Пороги, три Паркола (Парголово), Рябово новое, Петрушино, Токсово черное, Куйвоша (нынѣ Куйвора). Между рѣками и тогда были: Тосно, Ижора, Мья, Охта***).

Конечно, во времена процвѣтанія Великаго Новгорода мѣстность нынѣшняго Петербурга была живой артеріей торговой дѣятельности Новгорода, ибо здѣсь по Невѣ отъ Ладожскаго озера и р. Волхова шель путь въ Варяжское море, а затѣмъ и въ Римъ и въ Греки. Новгородцы хорошо понимали важное значеніе р. Невы, этихъ, по выраженію шведскаго короля Густава II Адольфа, „воротъ“. И русскіе люди ревниво оберегали свои „ворота“ отъ завистливыхъ сосѣдей. Однимъ изъ славныхъ защитниковъ этихъ русскихъ воротъ былъ, какъ извѣстно, и нашъ небесный покровитель св. Александръ Невскій. Четыре вѣка почти непрерывно боролись здѣсь за преобладаніе литовцы, поляки, шведы, датчане, псковичи и новгородцы. Пока Новгородъ былъ самостоятеленъ и силенъ, жившія по берегамъ Невы финскія племена, корелы, воль и ижора, безпрекословно уплачивали дань Великому Новгороду. Но съ подчиненіемъ Новгорода Москвѣ начинаются иныя времена.

Потерпѣвъ неудачу въ 1301 году, когда новгородцы подъ предводительствомъ великаго князя Андрея, бывшаго изъ Суздаля, прогнали шведовъ съ береговъ

*) „Современникъ“ за 1860 г. VI кн. стр. 316. („Петербургская старина“ ст. Пекарскаго).

**) Пыляевъ, стр. 4.

***) „Современникъ“, стр. 316.

Невы, разрушивъ созданную было ими крѣпость Ландскрону (вѣнецъ земли), на мѣстѣ нынѣшней Александроневской Лавры, шведы прочно укрѣпились на берегахъ Невы въ силу Столбовскаго договора (1617 г.), по которому Швеція пріобрѣтала прибалтійскіе берега и всю Ингерманландію съ четырьмя крѣпостями — Ивангородомъ, Ямою, Копорьемъ и Орѣшкомъ. На томъ мѣстѣ при устьѣ р. Охты, гдѣ ранѣе находился русскій городокъ Ніенъ, разграбленный морскими разбойниками въ 1521 г. шведы вскорѣ послѣ утвержденія Столбовскаго договора, именно въ 1632 году, создали новое укрѣпленіе Ніеншанць. Этотъ Ніеншанць сразу же явился весьма бойкимъ торговымъ мѣстомъ, имѣвшимъ лѣсопильные заводы и корабельныя верфи, съ успѣхомъ поддерживавшимъ торговлю съ западными городами, напр. съ Любекомъ и Амстердамомъ. Извѣстно, что въ Ніеншанць помимо шведскаго, нѣмецкаго и финскаго прихода былъ и православный съ церковью. На другомъ же берегу Невы, напротивъ Ніеншанца, лежало русское село Спасское (гдѣ теперь Смольный). Къ этому селенію отъ Ніеншанца ходилъ паромъ, такъ что выходитъ, что современный намъ перевозъ чрезъ Неву отъ Смольнаго на Большую Охту существуетъ непрерывно болѣе двухъ съ половиной вѣковъ.

Какъ показываетъ шведскій планъ 1676 года, въ то время кромѣ Ніеншанца и Спасскаго села, церковь котораго была уничтожена шведами въ 1701 году, на мѣстѣ нынѣшняго Петербурга существовало до 40 населенныхъ мѣстъ. Такъ, на мѣстѣ нынѣшней Литейной и Рождественской частей существовало цѣлыхъ шесть селеній. Гдѣ теперь Александроневская Лавра, там тояла деревня „Ритіова“; на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Инженерный замокъ, было древнее новгородское „усадище“ съ обширнымъ выгономъ; гдѣ нынѣ Волковское кладбище, тутъ находилась финская деревня „Антоляля“;

въ нынѣшнемъ лѣтнемъ саду находилась Парвушина или Кононова мыза; а гдѣ теперь Измайловскія роты тамъ по берегу Фонтанки тянулась сначала деревня Кемейоки, а ближе къ взорью деревня Калинкина *). Послѣднія двѣ деревни благополучно существовали еще много лѣтъ и послѣ основанія Петербурга.

Не долго владѣли этимъ русскимъ краемъ гордые шведы. Въ самомъ началѣ возгорѣвшейся въ концѣ XVII вѣка великой сѣверной войны Петръ I со своимъ молодымъ войскомъ, безъ всякаго флота, взялъ сначала Орѣшекъ, а затѣмъ разрушивъ Ніеншанць и взявъ въ плѣнъ въ устьѣ Невы два шведскіе корабля, прогналъ навсегда назойливыхъ шведовъ. Послѣдній эпизодъ этой славной баталіи совершился 6 мая 1703 г., когда горсть храбрыхъ людей подъ предводительствомъ бомбардира Петра на 30 лодкахъ окружила два непріятельскіе корабля и съ гранатами въ рукахъ ворвались на палубу, заставила шведовъ отдать корабли во власть русскихъ.

Теперь исполнилась мечта Россійскаго Богатыря. Древніе „ворота“ снова стали собственностью русскихъ. И вотъ, по выраженію русскаго поэта:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслась; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Приютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ невѣдомый лугамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:

— „Отсель грозитъ мы будемъ шведу.“

*) Пыляевъ, стр. 5—6.

Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Евроцу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ*.

Итакъ на вновь завоеванныхъ берегахъ Невы Петръ Великій рѣшилъ построить крѣпкій городъ. Но извѣстно, что, приступая къ этой постройкѣ, Петръ не думалъ переносить сюда столицу: ему хотѣлось создать здѣсь только портъ и надежную крѣпость. Лишь Полтавская побѣда дала рѣшимость побѣдителю шведовъ заняться устройствомъ своей новой резиденціи. Какъ видно изъ свидѣтельствъ современниковъ, при первомъ же обозрѣніи береговъ и острововъ Невы въ маѣ 1703 года Петръ пришелъ въ восхищеніе отъ красоты Невской природы. И дѣйствительно, можно допустить, что окрестности Ніеншанца весной, со своими голубыми, быстрыми и глубокими водами, вѣяніемъ морского вѣтра, напоеннаго запахомъ сосенъ, со своими лѣсами и зарослями, густо обрамлявшими извилистые и теряющіеся вдаль берега Невы и ея притоковъ, могли казаться привлекательными. Но несомнѣнно, что и въ ту пору климатическія условія мѣстности, занимаемой нашимъ Петербургомъ, были очень суровыя, хотя Богдановъ, описывавшій Петербургъ въ половинѣ XVIII вѣка, и утверждаетъ, что климатъ Петербурга, при всей своей нарочитой студености „весьма къ прожитію человѣческому здоровъ“ *). Грунтъ земли, на которой построенъ Петербургъ, болотистый, хотя были и среди невскихъ болотъ такіе оазисы, на которыхъ возможно было земледѣліе: такъ еще въ 1713 году во многихъ мѣстахъ Петербурга были примѣтны борозды плуговъ. Не только

*) Историческое, географ. и топографическое описаніе С.-Петербурга отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное Богдановымъ. Изд. 1779 г. Стр. 26.

мѣстность самаго города, но и окрестности были такъ низки и болотисты, что, какъ показываютъ планы 1700 и 1705 гг., сюда пролегала съ юга лишь одна дорога, которая направлялась къ Невѣ по тому мѣсту, гдѣ теперь идетъ наша Лиговка, да и то была настолько плоха, что бывало каждую весну и осень весь этотъ путь былъ усѣянъ лошадьми, павшими въ трясилахъ. Нужда въ сколько-нибудь сносныхъ дорогахъ сказывалась еще нѣсколько лѣтъ и послѣ основанія города и устройства улицъ. Мошеніе улицъ въ нашемъ Петербургѣ началось лишь съ 1716 года и было закончено на главныхъ улицахъ только въ 1787 году *), такъ что даже въ 20-хъ годахъ XVIII в. лица, желавшія перебраться съ одной улицы на другую, нерѣдко находили для себя болѣе удобнымъ садиться въ верки и лодки и такимъ образомъ добирались, куда слѣдовало. Или напр., кто желалъ попасть съ почтоваго двора (гдѣ теперь Маріинскій Дворецъ) на Московскую сторону (нынѣшняя литейная часть), долженъ былъ отправиться къ Адмиралтейству и уже отсюда по Невскому проспекту и Фонтанкѣ попадалъ къ своей цѣли **).

Понятно, что при такомъ болотистомъ грунтѣ и подъ вліяніемъ суроваго климата здѣсь не могло быть никакихъ фруктовыхъ деревьевъ. И только князю Меншикову, благодаря особымъ стараніямъ нѣмецкихъ и голландскихъ садовниковъ, удавалось выращивать въ своихъ садахъ, находившихся по нынѣшней Кадетской линіи на Васильевскомъ островѣ, нѣкоторые фрукты и даже дыни. Лѣса же на мѣстѣ Петербурга стояли сплошные, и всѣ вышеназванныя деревни и мызы ютились по опушкамъ этихъ лѣсовъ. Главныя лѣсныя породы здѣсь были: сосна, ель, пихта, береза, ольха, осина,

*) Шыляевъ, стр. 12.

***) „Современникъ“ за 1860 г., кн. VII, стр. 173.

тальникъ, встрѣчались также: дубъ, клень, вязъ, орѣшникъ. Петръ Великій очень берегъ эти лѣса, и не разъ издавалъ указы, строго опредѣлявшіе порядокъ рубки лѣса, окружавшаго молодой Петербургъ. А когда приблизительно съ 1718 года, лѣса здѣсь стали замѣтно рѣдѣть, государь вовсе запретилъ рубку всякаго лѣса, даже хвороста, въ окрестностяхъ Петербурга, подь страхомъ смертной казни *).

Передъ взятіемъ Ніеншанца население побережья Невы было смѣшанное, — оно состояло изъ шведовъ и нѣмцевъ, составлявшихъ главнымъ образомъ привилегированные классы, изъ русскихъ и финновъ, занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ. По прекращеніи шведскаго владычества, шведы частью ушли въ свое шведское подданство, частью были пересланы внутрь Россіи **). Финны (ингерманландцы и корелы), давніе обитатели Невской дельты и прежніе данники Новгорода, отличались крѣпкимъ сложеніемъ, неутомимостью и выносливостью. Одѣвались они очень просто, ходили въ лаптяхъ, носили кафтаны грубаго домашняго сукна, опоясывались широкими кожаными кушаками, за которыми всегда носили топоръ. Въ домахъ своихъ, или вѣрнѣе лачугахъ жили грязно.

Вотъ каковъ былъ край въ историко-географическомъ отношеніи, гдѣ Петръ Великій задумалъ устроить новый городъ.

Первый камень при постройкѣ города Петербурга, какъ извѣстно, былъ положенъ Петромъ собственноручно 16 мая 1703 года въ день Св. Троицы. Вотъ преданіе объ основаніи города. Государь Петръ I, избравъ мѣстомъ для постройки крѣпости небольшой низмен-

*) „Современникъ“ за 1860 г., кн. VI, стр. 322.

**) Тоже, стр. 324.

ный островъ Енисари, т. е. Заячій островъ, самъ срѣзалъ на этомъ островѣ два дерева и, поломавъ ихъ крестообразно, сказалъ: „здѣсь быть городу“. Затѣмъ, взявъ заступъ, первый началъ копать ровъ; въ это время въ воздухѣ появился орелъ и сталъ парить надъ царемъ. Когда ровъ былъ выкопанъ до двухъ аршинъ, въ него поставили ящикъ, высѣченный изъ камня; и, окропивши ящикъ св. водой, вложили сюда золотой ковчегъ съ частицей мощей Св. Апостола Андрея Первозваннаго. А сверху каменнаго ящика была положена каменная доска съ надписью: „Отъ воплощенія Иисуса Христа 1703 г. мая 16-го основанъ царствующій градъ С.-Петербургъ великимъ Государемъ царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Самодержцемъ Всероссійскимъ *). Одновременно съ устройствомъ крѣпости, тутъ же на Заячьемъ островѣ была поставлена деревянная церковь во имя свв. Апостоловъ Петра и Павла, а на Ооминѣ островѣ или Куйвосари (Петербургская сторона) были построены дворецъ Государя, Троицкій соборъ и домъ князя А. Д. Меньшикова. Въ 1714 году начата была въ крѣпости постройкой каменная церковь тоже во имя свв. Апостоловъ Петра и Павла (нынѣшній Петропавловскій соборъ), а деревянная была перенесена въ солдатскія слободы и освящена во имя св. Ап. Матѳея**), Первымъ царскимъ дворцомъ въ Петербургѣ, какъ извѣстно, былъ небольшой деревянный домикъ, построенный въ 1703 году сардамскими плотниками на Березовомъ островѣ (Петербургская сторона) на берегу Невы, по образцу домовъ рабочихъ въ Сардамѣ. Эготъ дворецъ Петра Великаго сохраняется и въ наше время.

Все зданіе построено изъ обтесанныхъ съ обѣихъ

*) Пыляевъ, стр. 10.

**) Тоже, стр. 13.

сторонъ бревенъ, крыто дощечками въ видѣ черепицы и состоитъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями, съ окошками, у которыхъ рамы изъ свинцовыхъ желобковъ. О сохраненіи этого домика стали хлопотать еще при жизни Петра, и онъ давно стоитъ подъ каменнымъ чехломъ. Такъ какъ это зданіе неоднократно терпѣло отъ наводненій, то въ послѣдствіи почва подъ нимъ и окружающимъ берегомъ была значительно приподнята *). Домъ князя Меншикова стоялъ всего въ 20 саженьяхъ отъ царскаго дворца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится домъ причта Петропавловскаго собора. Когда былъ сломанъ этотъ домъ князя Меншикова, неизвѣстно, но въ 1718 году его уже не существовало **). Таковы были первыя постройки новой столицы. Заними по волѣ Державнаго Строителя быстро вырастаютъ все новыя и новыя зданія, какъ правительственныя, такъ и частныя.

Прежде всего застраивалась нынѣшняя Петербургская сторона, именно мысъ между Невой и Большой Невкой, — здѣсь еще при Петрѣ образовались дворянскія улицы, а также вскорѣ появился рядъ зданій и на противоположномъ мысу (Выборгская сторона), за каковыми зданіями впрочемъ лежало пустое поле, называвшееся „волчьимъ“, потому что, какъ объясняетъ Богдановъ, нами уже упомянутый, здѣсь хоронили много мертвыхъ (преимущественно рабочихъ) и такъ какъ неглубоко въ землю зарывали, то тѣ мертвыя тѣла волками были пожираемы, и оное мѣсто проходимъ людямъ не безопасно бывало ***).

Сравнительно рано положилъ начало Великій Преобразователь и главной святынь нашего города Але-

*) „Современникъ“ за 1860 г. кн. VII, стр. 144.

**) Тоже, стр. 145.

***) Богдановъ, стр. 140.

ксандро-Невскому монастырю. По преданію монастырь Александро-Невскій стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 15 іюля 1241 года Св. Александръ Невскій разбилъ шведовъ. Императоръ обозрѣвая эту мѣстность въ 1710 году, указалъ здѣсь строить монастырь во имя Св. Троицы и Св. Александра Невского, и Хутынскій архимандритъ Θεодосій тогда же водрузилъ здѣсь крестъ съ надписью: „На семъ мѣстѣ создатися монастырь“. Въ 1712 году было приступлено къ работамъ, и въ слѣдующемъ году 25 марта здѣсь уже была освящена церковь Благовѣщенія, и началось монашеское общежитіе. А въ 1724 году 30 августа, при участіи самого Государя Петра I были торжественно перенесены изъ г. Владиміра Св. Мощи Александра Невского въ освященную въ этотъ день Александровскую церковь *).

Священникъ *Павелъ Левашевъ*.

1903 года 10 октября.

Исповѣдь священника.

(Изъ путевыхъ записокъ).

Въ одинъ изъ іюньскихъ вечеровъ я ѣхалъ по Волгѣ. Погода стояла хорошая; было немного даже прохладно. Масса пассажировъ, утомленныхъ дневной духотой и зноемъ, съ удовольствіемъ прогуливалась по пароходу, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ, а успѣвшіе занять скамейки, сидя наслаждались роскошной панорамой волжскихъ береговъ. Въ углу, на кормѣ, сидѣли сельскій батюшка и рядомъ съ нимъ—какой-то молодой человѣкъ, видимо — изъ „свѣтскихъ“. Между ними шла оживленная бесѣда. Я приблизился къ нимъ,

*) Пыляевъ, стр. 22—24.

сѣлъ невдалекѣ отъ нихъ и невольно прислушался къ ихъ разговору.

Собесѣдникъ батюшки, какъ мнѣ можно было заключить, сомнѣвался въ истинахъ христіанства и нисколько не вѣрилъ въ духовныя преимущества священства. Батюшка отечески, съ милой задушевностію, разсказалъ ему, въ обличеніе его невѣрія и суемудрія, нѣкоторыя обстоятельства изъ своей личной жизни.

— Было время, — говорилъ онъ, — когда и я самъ блуждалъ по распутіямъ міра сего, обольщенный вольнодумцами изъ нашей же среды. Я учился въ духовной семинаріи, и довольно порядочно учился. И вотъ старшіе воспитанники и многіе изъ моихъ соклассниковъ окончательно увлеклись пустыми, но красивыми и громкими фразами непризванныхъ политикановъ, — и меня къ себѣ завербовали. Сталъ я ходить къ нимъ на собранія, началъ слушать и воспринимать и всѣ ихъ модныя рѣчи. Скоро усвоилъ я эту несложную лже-мудрость. Не прошло и полгода, какъ я уже разносилъ существующій государственный строй Россіи, громилъ постановку учебнаго дѣла, преимущественно — въ семинаріяхъ, смѣялся надъ старыми учителями своими, надъ нашимъ „богословіемъ“ и хулилъ (да проститъ мнѣ это Господь Богъ!) самую вѣру православную. Зло издѣвался надъ служителями Божиими — архіереями и священниками и давалъ торжественно предъ своими единомышленниками обѣщаніе никогда не итти этимъ путемъ...

— Но вѣдь вы, батюшка, уже — священникъ. Какъ же это могло случиться? — спросилъ заинтересованный молодой человекъ.

— Да, вѣрно! По милости Божіей, вотъ уже 10 лѣтъ священствую, — отвѣтилъ ему сосредоточенно батюшка. — Видно, не захотѣлъ Богъ моей гибели и обратилъ меня къ пути истинному, — продолжалъ онъ. Какъ началъ я ходить къ тѣмъ своимъ соблазните-

лямъ, такъ и не вышло изъ того ничего хорошаго. Не даромъ сказано: „Блаженъ тотъ, кто не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ“. А я не только на совѣтъ, но и совсѣмъ по стопамъ ихъ пошелъ. Первое дѣло—пересталъ начальство уважать. На какое-то пустое замѣчаніе о инспектора я отвѣтилъ большой дерзостью. Еще замѣчаніе мнѣ—и еще съ моей стороны крупная дерзость. Товарищи стали напѣвать мнѣ: „тебя оскорбляютъ, а ты терпишь оскорбленія... Выходи вонъ изъ семинаріи. Иди въ учителя — послужи народу...“ Я и впрямь вообразилъ, что меня притѣсняють и оскорбляютъ, что огромную пользу могу принести народу, если поступлю въ сельскую школу... Различныя фантазмагоріи въ этомъ родѣ друзей моихъ вовсе вскружили мою горячую голову и — дѣло почти уже было въ конецъ испорчено...

— И что же? въ учителя поступили? — прервалъ рѣчь такимъ вопросомъ молодой слушатель.

— Нѣтъ, милый другъ,—сказалъ батюшка, въ учителя-то я не поступилъ, а изъ семинаріи-то дѣйствительно вышелъ. Не захотѣлъ, видишь-ли, учиться: захотѣлъ скорѣй учить другихъ своимъ не доконченнымъ ученьемъ, своимъ незрѣлымъ умомъ задумалъ пользу приносить русскому народу, вообразилъ, что въ силахъ я быть его разумнымъ руководителемъ. О заблужденіе! О мальчишескія затѣи!.. Но, къ счастью нашему—человѣкъ затѣваетъ, всячески предполагаетъ, а Богъ располагаетъ по Своему. Онъ, Милосердый, все направляетъ къ благимъ послѣдствіямъ и знаетъ, какъ и когда исправить всякаго неразумнаго мечтателя. Такъ однажды Онъ благоволилъ и меня исправить и вернуть на надлежащую дорогу, съ которой я сбился.

— Какъ же это произошло, батюшка? — спросилъ опять молодой человѣкъ, когда батюшка здѣсь сдѣлалъ паузу.—Расскажите пожалуйста!

— Да ужъ началъ, такъ надо и кончить,—отвѣчалъ священникъ. Только мнѣ скоро слѣзать: вотъ будетъ посадъ N, тутъ мнѣ сходить.

— Я слушаю, батюшка, — сказалъ его собесѣдникъ, и батюшка сталъ продолжать свою исповѣдь.

— Отзывъ-ли плохой дало обо мнѣ семинарское начальство,—полилась его рѣчь,—или ужъ на то была воля Божья, видно, — только въ учителя я не попалъ, меня не опредѣлили, не взяли... Тогда я сильно сокрушался по поводу этого отказа, — долго ходилъ, какъ говорится, самъ не свой. И жить было не на что. До сихъ поръ жилъ у одного изъ товарищей, а раньше— на бурсѣ. Родителей я потерялъ давно, къ родственникамъ же обращаться за помощію не хотѣлось. Подумалъ, подумалъ я и надумалъ обратиться къ мѣстному Преосвященному. Подвернулось свободное мѣсто сельскаго псаломщика, и отправился я къ Владыкѣ просить его объ опредѣленіи меня псаломщикомъ въ село. Владыка, къ слову сказать, былъ (царство ему небесное! Теперь уже покойникъ онъ...) очень добрый человекъ. И меня онъ принялъ снисходительно, даже ласково; спросилъ, откуда я и гдѣ учился, и почему не пошелъ дальше IV класса. Говорилъ онъ такъ мягко, разспрашивалъ такъ участливо, что я, раскаявшійся въ своемъ опрометчивомъ выходѣ изъ семинаріи, рассказалъ ему откровенно всю свою грустную исторію этого выхода. Помню, расплакался я тогда, и Владыкѣ пришлось утѣшать меня. Кончилось тѣмъ, что Владыка взялъ отъ меня мое прошеніе, просилъ меня не унывать, и ободриться и обѣщался сдѣлать меня псаломщикомъ въ указанномъ ему мѣстѣ. И точно: чрезъ два дня сдалъ резолюцію: „допускаю къ исправленію обязанностей псаломщика въ N селѣ и поручаю просителя отеческому надзору настоятеля N церкви...“ Прочиталъ я такую резолюцію Его Преосвященства и подивился проницательности Владыки:

въ самомъ дѣлѣ, подумаль я, я несомнѣнно нуждаюсь въ отеческомъ надзорѣ за собою какого-либо властнаго лица, крѣпкая рука котораго могла бы, при случаѣ, и поддерживать меня, и управлять мною.. И съ такимъ добрымъ сознаниемъ отправился къ мѣсту своего назначенія.

— Что же вы тамъ встрѣтили, батюшка?—

— Да, слава Богу, прежде всего добрыхъ людей. Близость добрыхъ людей и общеніе съ ними—великое благодѣяніе Божіе для человѣка: „въ законѣ Господнемъ будетъ воля его...“ И на мою долю выпало такое благодѣяніе въ лицѣ благородной семьи мѣстнаго священника. Въ этомъ почтенномъ семействѣ я встрѣтилъ чисто родственныя отношенія къ себѣ,—нашелъ ту теплоту, какую когда-то получалъ въ родительскомъ домѣ. Частые дружескіе разговоры наши не разъ касались моего больного мѣста, старой раны, которая все больше и сильнѣе начинала ныть, саднѣть, тосковать во мнѣ. Разумѣю не пріятный мнѣ, печальный выходъ мой изъ семинаріи, подѣ влияніемъ либеральныхъ, необдуманыхъ идей. Правда, скажу откровенно, и по пріѣздѣ въ село уже псаломщикомъ я не сразу оставилъ либерализмъ: по крайней мѣрѣ — на словахъ я еще нѣкоторое время рисовался имъ въ обществѣ сельскаго священника. Конечно, умные люди и тамъ возражали, а я въ неразумной полемикѣ съ ними защищаль усвоенныя прежде верхушки и атеизма и социализма. Къ стыду своему припоминаю: даже самому батюшкѣ, въ домѣ котораго былъ всегда любезно принятъ, доказывалъ лживость его положенія, какъ пастыря, указывалъ на корыстолюбіе духовенства, какъ на главную причину ихъ пастырства, дерзалъ упоминать и томъ, что, будто бы, въ душѣ своей священники сознають безсодержательность и нелѣпость своего положенія среди народа, только не обнаруживаютъ этого откровенно ради матеріальныхъ

выгодъ. На подобную хулу мнѣ отвѣчали кроткимъ словомъ убѣжденія, но я показывалъ видъ, что не соглашался съ ними. Между тѣмъ иногда такое слово опытного мужа западало въ глубину моего сердца, и тогда я принимался бичевать себя за то, что добровольно лишилъ себя возможности быть тоже пастыремъ церкви; однако по прежнему притворялся, казался истымъ „заядымъ“ невѣромъ...

— Вотъ какъ! Стало-быть, на словахъ одно, а на сердцѣ—другое,—вставилъ свое замѣчаніе юноша.

— Совершенно вѣрно, — продолжалъ батюшка. — Раздвоеніе, двойственность во мнѣ стала, — двойственность внѣшняго слова и внутренняго сознанія. Впрочемъ, благодареніе Богу,—не долго мнѣ пришлось скрывать свои чувства и подлинныя мысли: случай помогъ мнѣ открыться, безъ стѣсненія высказаться...

— Какой же?

— А вотъ какой. Однажды, во время обѣдни, прислуживалъ я въ алтарѣ; на клиросѣ безъ меня пѣли мужики. Дѣло было уже послѣ „Вѣрую“. Вдругъ вижу: священникъ нашъ плачетъ, молится и плачетъ... Лицо у него такое благообразное; въ парчевой ризѣ, съ устремленными къ небу глазами, онъ показался мнѣ прямо неземнымъ существомъ... Съ клироса несется стройное пѣніе, въ церкви—вѣрующая масса сливается въ молитвѣ съ предстоящимъ предъ нею благоговѣйнымъ пастыремъ... Боже мой! Какая чудная была картина, когда я сознательно увидѣлъ ее въ первый разъ въ жизни и когда я прозрѣлъ духовно... Видъ молящагося и плачущаго въ умиленіи священника, сливающаяся съ нимъ въ общей молитвѣ его паства, величественное пѣніе—все вмѣстѣ на этотъ разъ чрезвычайно поразило меня и послужило мнѣ Божіимъ призывомъ къ пути праведному, священному. Какъ жалокъ я тогда показался себѣ съ своимъ невѣріемъ, съ холоднымъ и глу-

пымъ отрицаніемъ! какъ жалки стали въ моихъ глазахъ и всѣ мои лжеучители, толкнувшіе меня на путь погибельный! Молящійся со слезами священникъ и его пасомые — съ одной стороны — и мы, глумящіеся надъ ними слѣпыя глупцы — съ другой: какой громадный и поразительный контрастъ!.. Не могу и выразить теперь сколько мыслей и чувствъ тѣснилось тогда въ душѣ моей: знаю только, что полна она была ими. Не припомню ужъ, какъ я достоялъ до конца той дивной службы, какъ добрался до своей квартирки... За то и сейчасъ ясно представляю, что цѣлый день послѣ того я бродилъ по лѣсу, носясь со всѣмъ разнообразіемъ своихъ думъ и чувствъ, полный восторженнаго впечатлѣнія отъ утренней великолѣпной картины... Наступилъ вечеръ, и настала пора подѣлиться своими мыслями съ кѣмъ-нибудь: душа стремится къ общенію съ родственной душой. Моей душѣ, утомленной пережитымъ, не подъ силу стало одиночество. Я, необѣдавшій въ этотъ день пошелъ къ священнику—излить предъ нимъ свои чувства. Я былъ увѣренъ, что онъ пойметъ меня, и не ошибся. Разказалъ ему поразившую меня картину, и вотъ тогда-то батюшка, видя мое настроеніе, съ жаромъ и съ особенною силою сталъ указывать мнѣ на великія преимущества пастырскаго служенія, недоступныя наблюденію постороннимъ лицамъ. Онъ говорилъ мнѣ, что считаетъ себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, когда вмѣстѣ съ своею паствою молится Господу Богу, что онъ не промѣнялъ бы своего званія ни на какое другое, гораздо выгоднѣе этого, свѣтское званіе и мѣсто, что если бы его принудили уйти снова „въ мірскіе“, свѣтскіе „люди“,—онъ не могъ бы дальше существовать. Одушевляющая стихія его, жизненный нервъ—священство, пастырство... И, помню, долго любезный батюшка говорилъ мнѣ о священствѣ, говорилъ душевныя рѣчи, по личному опыту и убѣжденію. И,

видно, слово его упало на добрую почву: я переродился,—либерализма моего какъ не бывало... Случилось даже то, чего я раньше никакъ не могъ и ожидать, о чемъ и не думалъ. Подъ благотворнымъ вліяніемъ бещды досточтимаго батюшки я высказалъ ему свос желаніе—и самому бы сдѣлаться священникомъ. „Къ сожалѣнію-де, я не кончилъ курса въ семинаріи...“ А не кончившему полнаго семинарскаго курса въ нашей епархіи поступить во священники было совершенно невозможно.—„Такъ поступай снова въ семинарію“—резонно замѣтилъ мнѣ батюшка. „Да развѣ примуть?“—возразилъ я. „А то бы—съ удовольствіемъ!..“ Слово за слово, а дѣло-то это мы и оборудовали...

— Какъ? опять въ семинарію поступили?—спросилъ собесѣдникъ.

— Да, опять въ семинарію, — къ своему великому счастью. Мой батюшка направилъ меня къ моему же благодѣтелю, Его Преосвященству, снабдивъ деньгами и—прекраснымъ отзывомъ о моемъ поведеніи. Батюшка упомянулъ тутъ, между прочимъ, и о моей жадѣ дальнѣйшаго образованія, о моемъ стремленіи къ священству. Дѣло было лѣтомъ. Преосвященный только что прибылъ въ губернской городъ изъ поѣздки по обозрѣнію епархіи. Такимъ образомъ опять я очутился у него. Опять такой же ласковый пріемъ, что и прежде... Спасибо ему за его милости ко мнѣ! Онъ оказалъ полное содѣйствіе мнѣ: взявши отзывъ, велѣлъ зайти къ нему чрезъ три дня. За это время, говорятъ, онъ призывалъ къ себѣ о. ректора семинаріи и уговорилъ его вновь принять меня въ семинарію. Лѣта мои не препятствовали, и я снова былъ принятъ въ IV классъ семинаріи... Пропали у меня, значить, два года, но я не жалѣю о нихъ: въ теченіе этого времени я научился цѣнить и людей и духовную школу, да и истиннаго Бога, можно сказать, тогда же позналъ. Воздалъ я благодареніе

благодѣявшему мнѣ Господу и съ осени принялся за ученье. Учиться сталъ я ужъ съ большимъ усердіемъ, чѣмъ прежде; слылъ очень хорошимъ ученикомъ... И три года быстро промелькнули. Я достигъ того, къ чему стремился... Тотъ же Владыка нашъ сдѣлалъ меня сразу младшимъ священникомъ въ посадъ N, гдѣ теперъ я уже старшимъ. Таково было надо мною Провидѣніе Божіе...

— Удивительная исторія!.. А позвольте васъ спросить: принесло ли вамъ нравственное удовлетвореніе священство?—полюбопытствовалъ молодой человѣкъ.

— Конечно, конечно, милый другъ!.. Какъ же иначе?—отвѣтилъ священникъ. Я нашелъ въ пастырствѣ и духовный покой, и счастье жизни. О себѣ я могу сказать то же, что говорилъ мнѣ о себѣ тотъ сельскій священникъ, которому я обязанъ въ значительной степени своимъ благополучіемъ. Священство—моя стихія, которую я дышу; безъ него я не могъ бы жить. Своего положенія я не промѣняю ни на какое другое, хотя бы и болѣе выгодное или богатое. Не матеріальная корысть, но самое дѣло пастыря церкви привлекаетъ меня къ себѣ и удерживаетъ на данномъ мѣстѣ. Въ извѣстные моменты, особенно за службой,—скажу по совѣсти,—я считаю себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Я забываю тогда весь міръ грѣховный; устремляясь къ Богу, я вижу предъ собой лишь Его Единого и данную Имъ мнѣ паству. Я люблю тогда всѣхъ людей Христовою любовію и готовъ первому бѣдняку отдать все, до послѣдней рясы... Да, это на самомъ дѣлѣ такъ. Только хулители, смотрящіе на насъ свысока или съ предубѣжденіемъ, не поймутъ насъ и не повѣрятъ намъ, а кто—дѣйствительно христіанинъ, тотъ и насъ пойметъ, и намъ повѣритъ...

— Вотъ такъ-то, милый человѣкъ!—заклучилъ свою рѣчь батюшка.—Помни мои слова, а мнѣ ужъ и сходить пора: нашъ посадъ какъ-будто... Прощай! Желая

тебѣ всего лучшаго. Главное, вѣруй въ Бога и Его премудрый Промысль...

И батюшка ушелъ. Его собесѣдникъ проводилъ его до лѣстницы. Тамъ они снова простились, и видно было, что батюшка еще что-то говорилъ ему. Пароходъ скоро отправился дальше. Церкви и дома посада стали скрываться изъ глазъ публики. Нѣкоторые еще крестились, глядя на крестовидные шпили храмовъ.

Молодой челорѣкъ, бесѣдовавшій со священникомъ, вернулся опять на прежнюю скамейку на кормѣ. Онъ сидѣлъ въ задумчивости,—очевидно воспроизводя разговоръ свой съ батюшкой. Я, тоже перемѣнившій свою позицію около посада, сѣлъ рядомъ съ нимъ и вступилъ въ разговоръ. Наша бесѣда тотчасъ же коснулась интереснаго батюшки. И молодой челорѣкъ такъ высказалъ мнѣ свое впечатлѣніе отъ него:

— Какой интересный священникъ! И какъ хорошо говорить... и убѣдительно...

— Знаете что?—спросилъ онъ меня.

— Что?—откликнулся я.

— А вотъ что... Я нынѣ кончилъ N—скую гимназію и думалъ было поступить въ K. университетъ. Не попытать ли мнѣ счастья въ духовной академіи, которую иногда не прочь бывалъ поругать?!

— Это было бы гораздо лучше, — сказалъ я. Вотъ поѣдете мимо K., обратитесь къ преосвященному ректору академіи и, быть можетъ, вы скоро будете студентомъ духовной академіи. Кто знаетъ, можетъ быть, и васъ Промысль Божій направляетъ этимъ на болѣе плодотворную и истинную, духовную дорогу, какъ того батюшку...

Скоро мнѣ пришлось проводить и этого молодого челорѣка, который поѣхалъ искать дѣйствительнаго счастья и знанія. Я пожелалъ ему успѣха и увѣренъ теперь, что Богъ спасетъ и его, направивъ на путь истины (Астр. Епарх. Вѣд.). *А. Соколовъ.*

Протоіерей Павелъ Яковлевичъ Тихомировъ.

13 октября въ церкви Знаменія Божіей Матери у Николаевскаго вокзала въ С.-Петербургѣ совершено было сонмомъ священнослужителей, при стеченіи богомольцевъ изъ родственниковъ и почитателей, отпѣваніе и затѣмъ погребеніе на кладбищѣ Александро-Невской Лавры скончавшагося 10-го октября заштатнаго протоіеря церкви Императорской санаторіи „Халила“ въ Финляндіи — Павла Яковлевича Тихомирова. Почившій обучался въ С.-Петербургской Д. Семинаріи, которую и окончилъ въ 1855 г. въ числѣ первыхъ студентовъ; 35 лѣтъ, съ 1857 г. по 1893 г., состоялъ на службѣ въ священномъ санѣ въ Спб. епархіи, первые 22 года — настоятелемъ Свято-Троицкой церкви въ с. Гостилицяхъ, Петергофскаго уѣзда, и 13 лѣтъ потомъ — настоятелемъ церкви Смоленской иконы Божіей Матери въ с. Смоленскомъ за Невской заставой С.-Петербурга, и затѣмъ въ 1893 году перешелъ на службу къ церкви при Императорской санаторіи „Халила“ въ Финляндіи, гдѣ и оставался до 1897 года, когда давно уже удручавшая его болѣзнь легкихъ заставила его выйти за штатъ. — Высокая нравственная личность покойнаго, то уваженіе и любовь, которыми онъ пользовался отъ своихъ прихожанъ, лицъ разныхъ общественныхъ положеній и профессій, отмѣчены были при происходившемъ въ 1892 году, по поводу истекшаго 35-ти-лѣтія службы почившаго протоіеря, чествованія его въ с. Смоленскомъ, выразившемся въ совершеніи тогда богослуженія преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ Ладожскимъ, нынѣ архіепископомъ Финляндскимъ, и въ поднесеніи, при адресахъ, юбиляру иконъ и другихъ цѣнныхъ по-

дарковъ отъ прихожанъ, администрацій училищъ въ приходѣ, приходского попечительства и мѣстныхъ фабрикъ; причемъ въ поднесенныхъ адресахъ обрисованы были твердость духа протоіерея Павла Яковлевича во всѣхъ обстоятельствахъ и тяготахъ его службы, его благолѣпное богослуженіе въ церкви и всегда неукоснительное аккуратное служеніе въ приходѣ даже и при болѣзненномъ состояніи его легкихъ, его глубокая воздержность въ словѣ и во всемъ поведеніи и дѣятельное вліяніе его на прихожанъ. Дополненіемъ же къ характеристикѣ покойнаго, въ жизни котораго злоба и клевета мелочныхъ людей обрушили было тяжкую бѣду на большую его семью, — является слѣдующее слово при гробѣ его, сказанное однимъ изъ племянниковъ его, священникомъ С. Т., во время отпѣванія предъ пѣніемъ: „со святыми упокой“: „Прими отъ меня, почившій, сердцемъ вѣщаемое слово, какъ дань признательной любви къ тебѣ и уваженія. Гряди, отецъ... отецъ — говорю, ибо отецъ ты для нѣкоторыхъ изъ здѣсь молящихся по порядку рожденія, отецъ для другихъ изъ нихъ по явленной имъ любви твоей и попеченію твоему и болѣе — отецъ, какъ предстоявшій здѣсь на землѣ впереди стада Христова, у самаго престола Божія, — гряди, отецъ, упокойся со святыми, ибо во святыхъ Богъ почиваетъ, а гдѣ Господь Богъ вселяется, тамъ исчезаетъ и тѣнь болѣзни, печали и воздыханія и наступаетъ успокоеніе. А какъ, думаю, жаждала душа твоя успокоенія! Вѣдь, когда переплывалъ ты житейское море, грозно оно иногда воздымало для тебя напастей бурю, готовое уже потопить тебя въ безднѣ своей, исполненной злобы, клеветы и досажденія и причиняемыхъ ими многовидныхъ бѣдъ и болѣзней. Но Господь охранялъ тебя въ житейскомъ плаваніи, Онъ спасъ тебя отъ потопленія, Онъ возвысилъ главу твою и умножилъ дни твоей жизни для жизни семейныхъ и

родственныхъ тебѣ лицъ и иныхъ многихъ, для при-
мѣра всѣмъ дѣятельной любви, терпѣнія и кротости,
явленныхъ тобою въ жизни, этихъ лучшихъ добродѣ-
телей учениковъ Христовыхъ. Любовь твоя вѣдома
многимъ. Вотъ уже казалось бы всѣ углы въ твоемъ
домѣ заняты большимъ твоимъ семействомъ, но любовь
твоя заставляетъ тебя тѣснить себя и свое семейство,
чтобы дать просторъ и родственнымъ тебѣ лицамъ и
инымъ съ ними, а ихъ, этихъ родственниковъ я, или
кто другой, видѣлъ ли когда о себѣ меньшее, чѣмъ и
о дѣтяхъ твоихъ собственныхъ, попеченіе любви твоей.
Та же любовь побуждала тебя и къ терпѣнію многому.
При твоей многосемейности, при обрушивавшихся иногда
на твою семью бѣдахъ, казавшихся непоправимыми,
при тяжкихъ трудахъ твоей службы, даже и тогда,
когда уже надорванная грудь твоя стѣсняла твое ды-
ханіе и дни твои для окружающихъ тебя казались уже
сочтенными, а ты все такъ же, какъ и ранѣе неукосни-
тельно аккуратно несъ труды твоей службы, — скажи,
отецъ, слышалъ ли кто отъ тебя когда слово нетер-
пѣнія или досады? Какая красота въ кротости твоего
молчаливаго духа! Скажи, отецъ, слышалъ ли кто когда
отъ тебя слово похвальбы и не предъ всѣми ли и не
во всѣхъ ли обстоятельствахъ твоей жизни ты старался
скрывать въ тѣни? Но свѣтъ твоей кротости и сми-
ренія пробивалъ ту тѣнь, за которою старался ты
скрыться, и открывалась прекрасная твоя нравственная
личность, привлекавшая еще большее къ тебѣ уваженіе
отъ знавшихъ тебя. Гряди же, отецъ! За любовь твою
любовь Божественная да распахнетъ для тебя край ризы
своей златотканной, блески которой — это міры без-
предѣльные, звѣзды небесныя, да будешь ты принять
въ лоно Христово для жизни безконечной со святыми,
для встрѣчи съ преждеоставившей этотъ міръ и тебя
въ міръ скорбнаго, горячо любимой, супруги твоей,

единомысленной съ тобою въ духѣ любви, терпѣнія и кротости. Гряди съ миромъ! А за труды твои многіе для насъ многихъ возьмемъ мы на себя молитвенный трудъ для души твоей. Гряди съ миромъ къ Господу!

С. Т.

Хлѣбъ насущный или духовный!

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, нами была помѣщена на страницахъ Епархіальныхъ извѣстій замѣтка о добромъ починѣ настоятеля Староладожскаго монастыря принимать въ названный монастырь по нѣскольکو учениковъ, уволенныхъ изъ Духовнаго училища и Семинаріи, для подготовки ихъ къ обязанностямъ псаломщика. Эту симпатичную мысль о. Игумена Арсенія нельзя было не привѣтствовать. Во многихъ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ были высказаны мнѣнія по сему вопросу и всѣ единодушно привѣтствовали и сочли этотъ добрый починъ отраднѣйшимъ явленіемъ нашей Епархіальной жизни! Но вотъ прошелъ уже годъ со дня появленія „отраднѣйшаго явленія“ и что же мы видимъ? За все время въ монастырѣ перебивало нѣскольکو юношей—дѣти священно-церковнослужителей нашей Епархіи. Въ настоящее время живутъ 4—5 учениковъ, которые какъ и тѣ, не знаютъ собственно, къ чему они приглашались! О. Настоятель, занятый управленіемъ монастыря и подворья, самъ сознаетъ, что ему дѣло не до учениковъ. Я не говорю о матеріальной сторонѣ, въ этомъ отношеніи они такъ хорошо обставлены, что желать лучшаго и не надо; нѣтъ, я говорю о главномъ, т. е. о томъ, что будущіе псаломщики предоставлены каждый самъ себѣ, неся только общее клиросное послушаніе вмѣстѣ съ другими послушниками монастыря или, даже позволю себѣ сказать, въ худшемъ случаѣ това-

ришеству послушниковъ, вліяніе которыхъ не общаетъ ничего хорошаго. Очень жаль, что о. настоятель по сіе время не обратилъ на воспитательную и образовательную сторону взятой на себя не легкой задачи! Въ „добромъ починѣ“ мы высказывали о необходимости устроить для принятыхъ учениковъ правильные курсы, на подобіе „псаломщическихъ курсовъ“, имѣющихся уже въ нѣкоторыхъ Епархіяхъ, для чего необходимъ на первыхъ порахъ одинъ воспитатель изъ окончившихъ курсъ семинаріи и знающихъ пѣніе. Этотъ же воспитатель былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ по прохожденію учениками необходимыхъ общеобразовательныхъ и специальныхъ предметовъ. Но это прошло незамѣченнымъ, не встрѣтило сочувствія ни въ „попечительствѣ объ увольняемыхъ ученикахъ изъ Дух. училища и семинаріи“, ни въ настоятелѣ котораго главнымъ образомъ касалась вышеприведенная замѣтка. *Неужели только въ приглашеніи учениковъ идти на даровые монастырскіе хлѣба или имѣть у себя болѣе порядочныхъ послушниковъ была вся цѣль* этого преждевременно тогда сказаннаго „добраго почина!“

Трудно вѣрить, чтобы о. Настоятель не зналъ, что дѣти нашего сельскаго духовенства, хотя бы и сироты, всетаки, слава Богу, благодаря заботамъ нашего любвеобильнаго Владыки не нуждаются въ монастырскомъ призрѣніи—въ его даровыхъ хлѣбахъ! Если же предположить послѣднее, т. е. что монастырю нужны болѣе порядочные—трезвые послушники, то тогда эта цѣль будетъ болѣе чѣмъ эгоистичная! Нѣтъ, родители, посылая своихъ еще несовершеннолѣтнихъ дѣтей въ монастырь, надѣются, что изъ нихъ выйдутъ нравственные люди, что ихъ дѣтямъ предоставляется возможность восполнить свои пробѣлы въ специальныхъ знаніяхъ, необходимыхъ для современнаго псаломщика. Это же несомнѣнно пробуждается и въ самихъ юношахъ, созна-

тельно идущихъ загладить свои прежніе грѣхи и тѣмъ самымъ достойно подготовить себя къ своему будущему скромному служенію. *Дайте имъ духовнаго хлѣба!*

Священникъ *Георгій Добровольскій.*

Годичный актъ въ Исидоровскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ.

Въ воскресенье, 12-го октября сего года, въ Исидоровскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ состоялся годичный актъ.

Божественную литургію въ этотъ день совершилъ Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Антоній, благоснѣйшій покровитель училища, въ сослуженіи съ преосвященнѣйшимъ Антониномъ, епископомъ Нарвскимъ. Въ священнослуженіи принимали участіе: архимандриты Меодій, Аѳанасій, протоіерей Д. Т. Мегорскій, В. Н. Сперанскій и Д. В. Рождественскій; священники: С. М. Драницынъ, П. П. Соболевъ, А. П. Рождественскій. За литургіею было произнесено инспекторомъ классовъ приличествующее случаю слово. Послѣ окончанія литургіи и благодарственнаго молебна, совершеннаго съ провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій, происходилъ въ актовомъ залѣ училища торжественный актъ, который почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ Спб. и Ладожскій, высокопреосвященнѣйшій Алексій, экзархъ Грузіи, архіепископъ Кахетинскій и Карталинскій, высопреосвященнѣйшій Гурій, архіепископъ Новгородскій и Старорусскій, преосвященнѣйшій Іоаннъ, епископъ Пермскій и Соликамскій, преосвященнѣйшій Сергій, ректоръ Спб.

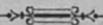
духовной академіи, епископъ Ямбургскій, преосвященнѣйшій Антонинъ, епископъ Нарвскій и преосвященнѣйшій епископъ Павелъ. Кромѣ оо. архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ, принимавшихъ участіе въ служеніи литургіи, на актѣ присутствовали: архимандритъ Сергій, ректоръ Спб. духовной семинаріи и другія почетныя лица.

Актъ начался пѣніемъ стихирь: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“. Затѣмъ преосвященнѣйшій Антонинъ, епископъ Нарвскій, открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой благодарилъ архипастырей и всѣхъ собравшихся къ акту гостей за посѣщеніе училища. Въ этомъ посѣщеніи, по словамъ Его Преосвященства, училище видитъ знакъ вниманія къ себѣ со стороны общества и всѣ трудящіеся на благо училища чувствуютъ себѣ одобреніе и нравственную поддержку. Годичный отчетъ, который будетъ прочитанъ собранію, выразитъ всю сумму работы, совершенной училищемъ въ теченіе минувшаго учебнаго года, въ цифрахъ и краткихъ формулахъ; но досточтимые посѣтители, сказалъ Его Преосвященство въ заключеніе своей рѣчи, сами „облекутъ въ плоть и кровь“ сухія цифровыя даты и усмотрятъ за ними разностороннюю жизнь училища полную труда и заботъ.

Послѣ сего преподаватель географіи въ училищѣ свящ. П. Н. Левашевъ произнесъ рѣчь на тему „Краткое историко-географическое описаніе мѣстности, занимаемой нынѣ С.-Петербургомъ“.

По окончаніи рѣчи хоромъ воспитанницъ былъ исполненъ концертъ: „Вси языцы, воспещите руками“. Затѣмъ инспекторомъ классовъ было прочитано краткое извлеченіе изъ отчета о состояніи училища за прошедшій 1902—1903 уч. годъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою были розданы, послѣ сего, книги 48 воспитанницамъ училища, въ награду за благонравіе и отлич-

ные успѣхи; кромѣ того были награждены выдачею серебряныхъ камертоновъ три воспитанницы, окончившія курсъ VI-го класса, за отличные успѣхи и похвальное усердіе въ церковномъ пѣніи и управленіи училищнымъ хоромъ. Въ заключеніе воспитанницы училища исполнили общимъ хоромъ гимнъ: „Боже, Царя храни!“ Пѣніемъ „Достойно есть“ закончился актъ.

Редакторы: Священники { *А. Рождественскій.*
П. Муртовъ.

Печатать разрѣш. Спб. 29 октября 1903 г. Протоіерей Философъ Орнатскій.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.